

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ПЕТРА И ПАВЛА

«Только искренний диалог может руководить Церковью»

Град Ватикан, 1 октября 2008 г. (Zenit.org).- Публикуем перевод речи, которую произнёс Бенедикт XVI на сегодняшней общей аудиенции на площади Св. Петра.

Сегодня Папа продолжил цикл катехитических бесед, посвящённых личности и богословию св. Павла.

* * *

Дорогие братья и сёстры!

Уважение и почтение к Двенадцати, какое всегда испытывал Павел, не уменьшилось, когда он открыто выступил в защиту евангельской истины, которая есть не что иное, как Иисус Христос, Господь. Сегодня мы рассмотрим два эпизода, показывающих, сколь почтительно и в то же время свободно Павел держался с Кифой и прочими апостолами: так называемый Иерусалимский собор и инцидент в Антиохии Сирийской, описанный в Послании к галатам (ср. 2,1-10; 2,11-14).

Каждый собор и синод в Церкви представляет собой «событие Духа» и соединяет в себе чаяния всего народа Божия, в чём участники Второго Ватиканского собора убедились на собственном опыте. Поэтому св. Лука, рассказывая о первом церковном соборе, который состоялся в Иерусалиме, так начинает письмо, отправленное по этому случаю апостолами христианским общинам в диаспоре: «угодно Святому Духу и нам...» (Деян 15,28). Дух, действующий во всей Церкви, ведёт апостолов за руку, когда они вступают на новые пути или исполняют свои замыслы. Он – главный устроитель Церкви.

Однако собор в Иерусалиме состоялся в то время, когда в первоначальной общине возникло серьёзное разногласие. Оно касалось ответа на вопрос: следует ли предписывать обрезание язычникам, обращающимся к Господу Иисусу Христу, или допустимо предоставить им свободу от Моисеева закона, то есть свободу от соблюдения норм, обязательных для праведника, послушного закону; прежде всего, речь идёт о нормах, связанных с очистительными обрядами, с чистой и нечистой пищей и с субботой.

В Гал 2,1-10 св. Павел тоже упоминает об Иерусалимском соборе: спустя четырнадцать лет после встречи с Воскресшим в Дамаске – дело происходит во второй половине сороковых годов – Павел отправляется в Иерусалим из Антиохии Сирийской вместе с Варнавой, а также с Титом, верным сотрудником, которого, несмотря на его греческое происхождение, не обязали принять обрезание, когда он присоединился к Церкви. В Иерусалиме Павел излагает Двенадцати апостолам, охарактеризованным как авторитетные люди, своё Евангелие свободы от закона (ср. Гал 2,6).

В свете встречи с воскресшим Христом Павел понял, что, если язычники принимают Евангелие Иисуса Христа, им уже не нужно ни обрезание, ни законы о еде и о субботе в качестве знака праведности: Христос есть наша праведность, и «праведно» всё, что сообразуется с Ним. Нет необходимости в иных знаках, чтобы быть праведным. В Послании к галатам Павел в немногих словах очерчивает ход собора: с энтузиазмом вспоминает, что Евангелие свободы от закона было одобрено

Иаковом, Кифой и Иоанном, «столпами», которые подали ему и Варнаве правую руку в знак церковного общения во Христе (Гал 2,9).

Если для Луки, как мы отметили, Иерусалимский собор стал проявлением действия Святого Духа, то для Павла он означает признание свободы для всех его участников – свободы от обязательств, вытекающих из обрезания и закона, той свободы, «которую даровал нам Христос»; не будем же опять подвергаться игу рабства (ср. Гал 5,1). Павел и Лука описывают Иерусалимский собор по-разному, но общее в обоих рассказах – действие Святого Духа, потому что «где Дух Господень, там свобода», – скажет Павел во Втором послании к коринфянам (ср. 3,17).

При этом, как явствует из писем св. Павла, христианская свобода никогда не отождествляется с разнузданностью и вседозволенностью. Свобода осуществляется в подражании Христу, а значит, в подлинном служении человеку, и в первую очередь – самым нуждающимся. Поэтому Павел, в завершение своего отчёта о соборе, приводит рекомендацию, данную ему апостолами: «только чтобы мы помнили нищих, что и старался я исполнять в точности» (Гал 2,10).

Каждый собор рождается в Церкви и устремляется к Церкви. В данном случае таким «возвратным движением» стало внимание к бедным – как явствует из различных замечаний в письмах Павла, речь идёт прежде всего о бедняках в иерусалимской церкви. Забота Павла о нищих, особенно ярко засвидетельствованная во Втором послании к коринфянам (ср. 8-9) и в заключении к Посланию к римлянам (ср. 15), демонстрирует его верность решениям, вызревшим в ходе собора.

Возможно, мы не способны вполне понять то значение, какое Павел и его общины придавали сбору средств для иерусалимских бедняков. В спектре религиозных дел это было совершенно новое начинание. Не обязательное, но свободное и спонтанное. Участвовали все церкви, основанные Павлом на Западе. Материальная помощь символизировала долг этих общин по отношению к палестинской матери-Церкви, от которой они получили неоценимый дар – Евангелие. Павел придаёт этому проявлению участия такую ценность, что редко называет своё начинание сбором пожертвований – скорее, это «служение», «благословение», «любовь», «благодать», даже «литургия» (2 Кор 9).

Особенно удивляет последнее название: сбору денег приписывается ценность, присущая богочитанию. С одной стороны, это литургический жест или «служение», воздаваемое каждой общиной Богу. С другой стороны, это дело любви, исполняемое во благо людям. Любовь к бедным и богослужение идут рука об руку; любовь к бедным – это литургия. Оба аспекта присутствуют в каждой литургии, совершаемой и проживаемой в Церкви, которая по природе своей противостоит разделению между поклонением и жизнью, между верой и делами, между молитвой и милосердием к братьям. Итак, Иерусалимский собор был созван, чтобы решить вопрос о том, как поступать с язычниками, приходящими к вере, и избрал свободу от обрезания и от обрядов, предписанных законом, а закончился он проявлением пастырской заботы, ставящей на первое место веру во Христа Иисуса и любовь к беднякам Иерусалима и всей Церкви.

Второй эпизод – хорошо известный случай в Антиохии Сирийской, показывающий, насколько Павел внутренне свободен. Как вести себя, когда собираются за одним столом верующие иудейского и языческого происхождения? Здесь обнаруживается ещё одна точка приложения закона: различие между

чистой и нечистой пищей, резко отделявшее благочестивых евреев от язычников. Сначала Кифа-Пётр делил трапезу с теми и другими, но, по прибытии христиан, связанных с Иаковом, «братом Господним» (Гал 1,19), начал избегать трапез с язычниками, чтобы не шокировать тех, кто продолжал соблюдать предписания о чистой пище. К Петру присоединился Варнава. Это решение привело к глубокому водоразделу между обрезанными христианами и христианами из язычников.

Такое поведение, реально угрожавшее единству и свободе Церкви, вызвало пылкую реакцию Павла: он – ни много ни мало – обвинил Петра и прочих в лицемерии. «Если ты, будучи Иудеем, живёшь по-язычески, а не по-иудейски, то для чего язычников принуждаешь жить по-иудейски?» (Гал 2,14). В действительности, Павел и Пётр с Варнавой заботились о разном: для последних отделение язычников было средством ввести в Церковь христиан, пришедших из иудаизма, не отпугнуть их. Для Павла же отделение язычников заключало в себе опасность недооценить всеобщее спасение во Христе, предлагаемое как иудеям, так и язычникам. Если оправдание достигается лишь через веру во Христа, через уподобление Ему, без каких-либо дел закона, какой смысл следовать ритуальным правилам за столом? Очень вероятно, что цели у Петра и Павла были различны: у первого – не потерять иудеев, принявших Евангелие, у второго – не преуменьшить спасительную ценность смерти Христовой для всех верующих.

Интересно отметить: через несколько лет (в середине 50-х годов), когда Павел будет писать Послание к римлянам, он окажется в похожей ситуации и попросит сильных не есть нечистую пищу, чтобы не смутить и не потерять слабых. «Лучше не есть мяса, не пить вина и не [делать] ничего [такого], отчего брат твой претыхается» (Рим 14:21). Инцидент в Антиохии стал уроком и для Петра, и для Павла. Только искренний диалог, открытый евангельской истине, может руководить Церковью: «Ибо Царствие Божие не пища и питье, но праведность и мир и радость во Святом Духе» (Рим 14,17).

Это урок и для нас: притом что Петру и Павлу доверены разные харизмы, пусть всеми нами руководит Дух. Будем стараться жить в свободе, для которой ориентиром служит вера во Христа, в свободе, которая становится осязаемой в служении братьям. Самое главное – всё полнее уподобляться Христу. Именно это даёт нам подлинную свободу, именно так глубочайшее ядро закона проявляется в нас: любовь к Богу и ближнему. Попросим Господа, чтобы Он научил нас разделять Его чувства, будем учиться у него внутренней свободе и евангельской любви, обращённой к каждому человеческому существу.